

UDC 93/94

**PSYCHOLOGICAL PORTRAIT OF A SOLDIER
IN THE BLACK SEA COAST: LOWER RANKS**¹ *Vladimir B. Karataev,*² *Alexander A. Cherkasov*¹ SGUTiKD, Sochi, Russia.

Student of the 5th year

² SGUTiKD, Sochi, Russia.

The doctor of historical sciences, Professor

354000, Sochi, Sovietskaya st., 26a

E-mail: sochi003@rambler.ru

This article focuses on the psychological portrait lower ranks in the Black Sea coastline. Paid attention to the problems of everyday life.

Keywords: combatant, lower ranks, Caucasian war, the Black Sea coastline.

Для понимания поведенческого аспекта комбатантов при несении службы на территории Черноморской береговой линии (ЧБЛ) большое значение имеет социальный облик личного состава. Рассмотрим подробно нижних чинов.

Комплектование армии нижними чинами в исследуемый период производилось по рекрутскому уставу 1831 г. [1] От рекрутской повинности были освобождены дворяне, купцы, почетные граждане, дети священников (но лишь те, кто пошел по духовной линии). Повинность была обязательна для солдатских детей, крестьян, мещан.

Повинность была не индивидуальная, а коллективная, т.е. правительство предъявляло требование поставить рекрута к определенной группе лиц, а те уже сами выбирали, кого отправить в армию. В начале XIX в. от 500 чел. в армию в среднем брали от 1 до 5 человек.

Кроме того, в армию отправляли в качестве наказания по желанию помещика, по приговорам судов или сельских сходов. При этом, по приговору суда в армию отправляли и государственных преступников, в том числе и из сословий, освобожденных от рекрутской повинности. Естественно, что зачастую общины старались избавиться путем отправки в армию от наиболее «буйных» элементов. Так, в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции 1845 г. дается перечень проступков, за которые допускалась отдача в солдаты в наказание взамен ссылки в Сибирь [2].

Практиковалась и система найма наемников взамен себя. Количество таких заместителей доходило до 10 тыс. в год. Учитывая, что за 1835–1854 гг. в среднем призывалось 80 тыс. чел. в год эта цифра выглядит довольно значительной.

Таким образом, вся тягость военной службы ложилась на наименее обеспеченные слои общества. Всего же, около 20 % населения империи имело право на освобождение от рекрутской повинности. В среднем один служащий приходился на 26 душ мужского пола, подлежащих повинности.

Возраст принимаемых на службу составлял от 20 до 35 лет. Срок службы был установлен в 22–25 лет, а с 1834 гг. – 20 лет [3]. Прослуживших 20 лет, а с 1851 г. – 15 лет, увольняли на 5 лет в бессрочный отпуск, во время которого они ежегодно собирались на 1 месяц на военные сборы, а по истечению этого срока службы они увольнялись из армии.

Многолетние сроки службы пугали потенциальных рекрутов. Столь продолжительная служба практически полностью отрывала солдат от своей семьи. А учитывая, что подлежали призыву в возрасте от 20 до 35 лет, то на протяжении значительного периода жизни люди оказывались в «подвешенном» состоянии. Отсюда и значительное распространение членовредительства и побегов рекрутов. Беглые были делом обычным в то время. В подтверждение этого служат наличие специальных поощрений для командиров подразделений (рот и эскадронов) «за неимение бежавших во вверенных им частях» в относительно короткий трехлетний срок. Правда следует отметить, что данные тенденции были характерны для всех армий мира, комплектуемых на основе рекрутской повинности.

Самых высоких, сильных и красивых рекрутов отправляли в гвардию. Раскольников и попавшиеся «в буйствах и дерзостях» назначались на Кавказ и Сибирь; отданные за дурное поведение – преимущественно в гарнизонные и военно-рабочие части; бродяги и преступники – во внутренние гарнизонные и линейные батальоны.

Таким образом, Кавказ был местом службы наиболее «буйных» элементов в рядах русской армии. Это объяснялось несколькими причинами: во-первых, на Кавказе была ситуация перманентной войны и в ее условиях давался шанс искупить свою вину; во-вторых, на Кавказе традиционно были более тяжелые условия службы в бытовом и санитарном отношении (непривычная горная местность, влажный климат, трудности со снабжением). Разжалованные и сосланные на Кавказ в армию имели шанс своими действиями получить прощения и вернуться к прежней жизни. При этом преступники и ссыльные неоднократно проявляли себя. Так, в рапорте по итогам высадки при высадке десанта в устье р. Субаши 3 мая 1839 г. генерал-лейтенант Н.Н. Раевский-младший отмечал, что великолепно себя проявили Тенгинского пехотного полка унтер-офицер Антонович и черноморского № 5 батальона рядовой Филипп Васильев. (Антонович был за нарушение закона определен из студентов Московского университета в армию в 1832 г. и на протяжении 7 лет неоднократно проявлял себя как храбрый и отличный солдат. Васильев же разжалован из чиновников комиссариатского ведомства в 1836 г. за неподчинение и так же проявил себя с самой лучшей стороны) [4]. При этом Раевский особо отметил этих солдат из всей массы личного состава. Учитывая, что десантный отряд насчитывал около 5 тыс. чел., то видимо, Васильев и Антонович действительно проявили чудеса храбрости.

Однако не следует считать, что условия службы на Кавказе были просто невыносимы. Они были лишь незначительно хуже условий службы на других окраинах Российской империи. К тому же сам по себе Кавказ в отношении санитарных условий не был однороден. В Закавказье условия службы были наиболее приемлемы как в бытовом плане, так и по интенсивности боевых действий. Наиболее тяжелыми условия службы были на территории ЧБЛ.

Так же следует делить воинские подразделения, принимавшие участие в боевых действиях на Кавказе, по привилегированности. Дело в том, что на Кавказ периодически направляли армейские части из Центральной России на определенный срок (чаще всего на несколько лет). Следовательно, в таких условиях на Кавказе могли оказаться и вполне благополучные с точки зрения подбора личного состава воинские подразделения. На Кавказе постоянно несли службу несколько казачьих войск – Черноморское, Кавказское Линейное, Терское. Набор личного состава в подразделения этих войск осуществлялся в порядке очередности несения службы казаками без градаций «буйных подалее, высоких и рослых – поближе», т.к. данные казачьи войска были поселены в пределах Кавказа и весь уклад жизни его служащих был подчинен непосредственному ведению боевых

действий против горцев. В другие регионы данные казачьи войска свои подразделения отправляли лишь в случае крупномасштабной войны с сильным противником (как это было в 1812 г.).

Что касательно ЧБЛ, то на ее территории принимали участие в боевых действиях самые разные воинские подразделения. Так, в десантных операциях в качестве ударной силы принимали участие наиболее элитные (по меркам Кавказа) части – пехотные и гренадерские полки, казачьи части, артиллерия, сводные стрелковые подразделения флота и т.д. При этом некоторые подразделения имели огромный опыт участия в десантах и становились неременными участниками всех подобных операций. Наиболее прославились своими действиями в подобных мероприятиях Навагинский и Тенгинский пехотные полки.

В то же время, постоянную гарнизонную службу в крепостях и укреплениях ЧБЛ несли Черноморские линейные батальоны, личный состав которых был наименее качественным. Это не означает, что в таких подразделениях сплошь и рядом служили преступники и «буйные». Но их процент в таких подразделениях был выше, нежели в других частях. Служба на окраинах при непосредственном контакте с неприятелем должна была оградить общество от социально опасных элементов и в тоже время принести пользу государству. Бежать солдатам из таких подразделений было некуда, разве только к неприятелю.

В то же время, боевые действия на Кавказе отличались от общих канонов ведения войны и носили набегово-карательный характер. В таких условиях «буйные» могли активно проявлять себя, т.к. часто записывались в охотники (добровольцы-разведчики) и осуществляли глубокие разведывательные поиски на территории врага. Проще говоря, в таких условиях, когда их жизнь зависит только от них самих, а кругом враг они могли применить, в том числе и свои преступные навыки на пользу государству. В тоже время, практиковался перевод из элитных подразделений солдат на Кавказ, для повышения эффективности действий подразделений и сокращения потерь личного состава. Так, по указу императора в марте 1840 г. в Черноморские линейные батальоны вместо необученных рекрут отправили 1270 старослужащих из Крыма из состава 5-го пехотного корпуса [5].

Кавказ был местом ссылки и самых известных государственных преступников той эпохи – декабристов. Среди них и известные поэты и писатели (но, в первую очередь, офицеры русской армии). Среди них: А.А. Бестужев-Марлинский (на Кавказе с 1829 г., с 1836 г. служил в Грузинском гренадерском полку. Погиб 7 июля 1837 г. при высадке десанта у Константиновского мыса (современный Адлер). Во время этой операции он был среди охотников) [6]; А.И. Одоевский (на Кавказе с 1837 г. – рядовым в Тенгинском пехотном полку. Участвовал в десантах на ЧБЛ. Умер от малярии в 1839 г. при строительстве форта Лазарева [7] (современный поселок Лазаревское) [8]. В армию на Кавказ ссылали участников Польского восстания 1830–1831 гг. Вообще же гуманность режима поражает: люди, поднявшие оружие против государства, нарушившие присягу не были казнены или отправлены на каторгу, а получили шанс загладить свою вину на войне.

Тем не менее все вышеприведенное не означает, что в русской армии того времени и в особенности на Кавказе служили исключительно отбросы общества. Дело обстояло значительно сложнее. Армия во все времена была делом крайне трудным, и желающих в ней служить было в разы меньше потребностей. Но те, кого все-таки отправляли служить, редко проявляли трусость или предательство. Хотя и такие факты встречались. Большие сроки службы в русской армии позволяли подготовить прекрасных солдат. Особенно это относилось к унтер-офицерам, т.к. эти чины получали лучшие из солдат.

Примечания:

1. Зайончковский А.М. Восточная война. 1853–1856 гг. В 2 т. Т. I. СПб., 2002. С. 413.
2. Зайончковский, Указ. соч. С. 415.
3. Керсновский А.А. История русской армии. Электронный вариант. Том 2. Гл. 7.
4. Архивный отдел администрации города Сочи (АОАГС). Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 5. Л. 10.
5. АОАГС. Ф. Р-348. Оп. 1. Д. 6. Л. 22.
6. Ворошилов В.И. История убухов (Очерки по истории и этнографии Большого Сочи с древнейших времен до середины XIX века). Майкоп, 2006. С. 177–182; Каратаев В.Б., Черкасов А.А. К 170-летию Адлера: создание укрепления Св. Духа // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2007. № 3. С. 23–26.
7. Ворошилов В.И. История убухов... С. 254–256.
8. См. подробнее: Каратаев В.Б., Черкасов А.А. Взгляд в эпоху: десантные операции адмирала Лазарева // Былые годы. Черноморский исторический журнал. 2006. № 2. С. 33–35.

УДК 93/94

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ КОМБАТАНТА НА ТЕРРИТОРИИ
ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ: НИЖНИЕ ЧИНЫ**

¹ Каратаев Владимир Борисович,
² Черкасов Александр Арвелодович

¹ СГУТиКД, Сочи, Россия.

Студент 5-го курса

² СГУТиКД, Сочи, Россия.

Доктор исторических наук, профессор

354000, г. Сочи, ул. Советская, 26 а

E-mail: sochi003@rambler.ru

В статье рассматривается психологический портрет нижних чинов на территории Черноморской береговой линии. Уделено внимание проблемам повседневной службы.

Ключевые слова: комбатант, нижние чины, Кавказская война, Черноморская береговая линия.